МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов XI (XXV)
Международной научно-практической
конференции молодых учёных
(18–20 апреля 2024 г.)

Выпуск 25

Томск
Издательство Томского государственного университета
2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Proceedings of the XI (XXV)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 18–20, 2024)

Issue 25

Tomsk
TSU Press
2024

УДК 81’1(082)
ББК 81
А43

Редакционная коллегия:
И.В. Тубалова (Томский государственный университет)
Т.А. Демешкина (Томский государственный университет)
З.И. Резанова (Томский государственный университет)
Ю.В. Филь (Томский государственный университет)
И.А. Айзикова (Томский государственный университет)
Н.Е. Никонова (Томский государственный университет)
В.С. Киселев (Томский государственный университет)
В.А. Суханов (Томский государственный университет)
С.В. Ермоленко (Томский государственный университет)
А.Г. Кожевникова (ответственный редактор;
Томский государственный университет)

А43 Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практической конференции молодых ученых (18–20 апреля 2024 г.) / отв. ред. А.Г. Кожевникова. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. – Вып. 25. – 660 с.

ISBN 978-5-907722-89-7

В сборнике представлены результаты научных исследований студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Работы отражают многообразие актуальных проблем лингвистики, литературоведения, методики преподавания РКИ, теории перевода и издательского дела. Все статьи прошли процедуру обязательного рецензирования.

Для преподавателей вузов, учителей русского языка и литературы, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81’1(082)
ББК 81

ISBN 978-5-907722-89-7 © Томский государственный университет, 2024

UDC 81’1(082)
LBC 81
A43

Editorial advisory board:
I.V. Tubalova (National Research Tomsk State University)
T.A. Demeshkina (National Research Tomsk State University)
Z.I. Rezanova (National Research Tomsk State University)
Y.V. Fil (National Research Tomsk State University)
I.A. Aizikova (National Research Tomsk State University)
N.E. Nikonova (National Research Tomsk State University)
V.S. Kiselev (National Research Tomsk State University)
V.A. Sukhanov (National Research Tomsk State University)
S.V. Ermolenko (National Research Tomsk State University)
A.G. Kozhevnikova (executive editor;
National Research Tomsk State University)

A43 Actual problems of linguistics and literary studies: proceedings of the XI (XXV) International scientific and practical conference of young scientists (April, 18-20 2024) / ed. by A.G. Kozhevnikova. – Tomsk : TSU Press, 2024. – Issue 25. – 660 p.

ISBN 978-5-907722-89-7

The book of proceedings presents the results of research work performed by students, postgraduate students, young scientists and teachers. The reports reflect the variety of advanced problems in linguistics, literary studies, teaching Russian as a foreign language, translation theory and publishing. All articles are peer-reviewed.

The book is of interest for university professors, school teachers of Russian language and literature, students of different humanitarian specialties.

UDC 81’1(082)
LBC 81

ISBN 978-5-907722-89-7
© Tomsk State University, 2024

«ГАМЛЕТ» У. ШЕКСПИРА И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: ФРАГМЕНТАРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ XVIII ВЕКА

Филиппова Д.К.
Томский государственный университет, аспирант

HAMLET BY W. SHAKESPEARE AND RUSSIAN LITERATURE: FRAGMENTARY TRANSLATIONS OF THE XVIII CENTURY

Philippova D.K.
Tomsk State University, postgraduate student

В статье представлено исследование первых фрагментарных переводов трагедии «Гамлет» У. Шекспира, выполненных в XVIII в. М. Плещеевым и П. Карабановым. Обращения к трагедии в этот период снимают лишь один из многих семантических слоев монолога Гамлета в зависимости от злобы дня и эстетической доминанты периода – сентиментализма.

Ключевые слова: Шекспир, Гамлет, перевод, сентиментализм

The article presents a study of the first incomplete translations of the tragedy "Hamlet" by W. Shakespeare, performed in the 18th century by M. Pleshcheev and P. Karabanov. Appeals to the text of the tragedy during this period address only one of the meanings of the content of Hamlet's monologue, which depends on the topic of the day and the aesthetic dominant of the period – sentimentalism.

Keywords: Shakespeare, Hamlet, translation, sentimentalism

Научный руководитель: О.Б. Лебедева, д-р филол. наук, профессор ТГУ.

Трагедия «Гамлет», как известно, была впервые представлена русскому зрителю А.П. Сумароковым: с его трагедии отсчитывает свою историю русский Гамлет, который за годы переделок, подражаний и переводов стал показателем развития и трансформации русской мысли и эстетики. В 1748 г. Сумароков отрицал связь своей трагедии с Шекспиром: «Гамлетъ мой, кромѣ Монолога въ окончанiи третьяго дѣйствiя и Клавдiева на колени паденiя, на Шекеспирову Трагедiю едва, едва походитъ» [1. С. 117]. Данное высказывание задает любопытную закономерность существования шекспировского текста в русской рецепции – особое место «монолога в окончании третьего действия»: с момента выхода трагедии Сумарокова в русской литературе появляется традиция переводить его отдельно от всего остального.

Первый из известных и сохранившихся текстов фрагментарного перевода относится к 1775 г. и выполнен Михаилом Ивановичем Плещеевым. Плещеев скрывается под псевдонимом «Англоман» и сопровождает свой перевод коротким предисловием, ключевой мыслью которого становится утверждение сложности перевода Шекспира на русский язык: «Надобно чувствовать чрезвычайныя дарованія, или быть чрезвычайно смѣлу, чтобъ переводить Шакеспира» [2. С. 257]. Особенно интересно в данном предисловии утверждение о популярности текста монолога, известен он был, вероятно, из двух источников – «Гамлета» Сумарокова и «Гамлета» Вольтера, качество которого в предисловии ставится под сомнение: «я увидѣлъ, что Г. Волтеръ больше боролся съ Шакеспиромъ, нежели его переводилъ» [2. С. 258]. Так, важными оказываются не только стихи, но и их сопровождение, отмечающее принципиальную смену действительной эстетической доминанты: в то время как в периодике и после «Письма Англомана» продолжают публиковаться труды Вольтера о драматургии, практика словесности и знакомство русского читателя с мировой литературой более не считают бесспорным его авторитет.

Русский Шекспир постепенно перестает быть переведенным французским Шекспиром и обретает собственные характеристики через попытки перевода подлинника. Монолог в переводе Плещеева сделан, как отмечает автор, с английского, однако не эквивалентен: он сконцентрирован на вопросе жизни и смерти уже с первой строки, где многозначное «to be» заменено на весьма конкретное «жить». Так сразу оказывается утеряна многозначность рассуждений шекспировского Гамлета о решимости, ведь для него вопрос «быть или не быть» не только вопрос о самоубийстве, но и вопрос о возможности нести бремя того, кто исправит свое время, а удар кинжала, прерывающий страдания, может быть не только ударом по себе, но и ударом по тому, кто способствует процветанию несправедливости в мире – эту интерпретацию подтверждают слова принца в пятом акте «Let be», продолжающие рассуждения в монологе третьего акта. Однако Гамлет у Плещеева всецело сосредоточен на страхе перед самоубийством, а причиной

нерешительности становится здесь совесть – вероятнее всего, в христианском ее понимании. Изначально полисемичный монолог о жизни и смерти, с одной стороны, и о необходимости действия и его невозможности из-за рефлективности склада ума, с другой, превращается исключительно в размышления о смерти, наполненные и ощущением ужаса, и печалью, и унынием.

Тенденция к фокусировке внимания на вопросе самоубийства и смерти в рассмотренном монологе усиливается с течением времени в случаях, когда переводчики отрывают его от основного содержания трагедии. Известно, например, «Вольное подражание монологу трагедии Гамлета, сочиненной г. Шекспером», установлено, что его автором был поэт-архаист Петр Матвеевич Карабанов. В его подражании рассуждения о жизни и смерти, кознях и жестокости завершаются гибелью героя: «Ударъ ужъ нанесенъ… я всѣхъ лишаюсь силъ – // Что зрю входя во гробъ? предѣлъ всеобщій – вѣчность» [3. С. 199]. Будучи отделенным от основного содержания трагедии и подвергнутым множественным изменениям, Гамлет теряется в новом лирическом герое, переживания которого лишь отчасти соответствуют темам и мотивам шекспировского текста.

Данный вариант монолога собирательно отражает ключевые аспекты интереса к фигуре Гамлета для читателя конца XVIII в. Среди них оказываются судьба и мотив божественной обреченности Гамлета на смерть: божественный глас сообщает ему «Ужъ скоро кончатся твои несчастья люты» [3. С. 198]. Судьба обретает грозное, пугающее и безжалостное воплощение в тексте: ее атрибутами становятся гнев, оружие, удары и казни, а лирический герой слаб, беден и чувствителен. Божественный глас судьбы выступает в тексте как воплощение высшей силы, более значимой, знающей и влиятельной, чем лирический герой. Такое ее положение соотносимо с традиционным классицистическим видением мира, где человек имеет волю и страсти, но обречен на трагический исход по воле рока, бороться с которым, кажется, бессмысленно. Однажды упомянутая в оригинале Фортуна в подражании приобретает активность и власть над лирическим

героем, она виновница его бед и несчастий при жизни, она же косвенно ведет его к гибели.

Лирический герой перед гибелью переживает не столько страх неизведанного по ту сторону жизни, сколько разочарование в мире и людях, предавших его, а также и в самом себе. Лирический герой из любви и верности не способен убить своих врагов, что возвышает его над ними – враги дважды названы в отрывке варварами. Мотив варварства в образе врагов героя особенно продуктивен: лирический герой в двадцати стихах пересказывает судьбу Гамлета во дворце, где в окружающих отмечается свирепость и безбожность. В контексте монолога данная часть соотносима с упоминанием Гамлетом пороков своего времени, однако подражание сужает масштаб проблем до индивидуальной участи отдельного героя, его собственного уникального переживания в момент происходящих с ним одним событий. Монолог оказывается по своей природе сюжетен, чему способствует упоминание лирическим героем действий своих врагов – отдельные стихи в отрывке связаны с уже совершенным ранее «варварством», то есть убийством Гамлета старшего, и потенциальным следующим убийством Гамлета младшего для закрепления Клавдия у власти. Таким образом раскрывается тема нравственного и интеллектуального превосходства Гамлета над окружающими его людьми, живущими устаревающими представлениями о власти и силе. Автор подражания довольно точно отделяет своего Гамлета от дворцового общества, формируя представление о них как об отстающих варварах, руководствующихся исключительно неразумными страстями. Сюжетность подражания вносит необходимый акцент на опережающем типе сознания героя.

При этом тема слабости и нерешительности, вызванных в шекспировском Гамлете христианской совестью или преобладающим знанием мира, здесь обретает звучание, отличное от оригинального. Робость и смущение перед самоубийством обусловлены исключительно представлениями о том, что будет перед смертью: переживание героя концентрируется вокруг страха

смерти и противоречащего этому неприятия жизни, наполненной варварами и ударами судьбы. Важным оказывается сама природа причины отказа от самоубийства (беспокойство) – все же эмоциональная, чувственная реакция, в то время как «размышление» Гамлета Шекспира – причина интеллектуальная. Отличие лирического героя от Гамлета заключается в преобладающей в нем чувствительности к ударам судьбы, собственной слабости и гонениям окружающих.

Проявлениями этой чувствительности оказываются перенос акцента с разума на душу, то есть нежность и любовь лирического героя – даже к тем, кто наносит ему удар: «Неблагодарные! пронзайте грудь вамъ вѣрну, // За нѣжность къ вамъ ея, любовь нелицемѣрну, // За то, что не могу рѣшиться я никакъ // Васъ прежде, варвары, низвергнуть въ смертный мракъ» [3. С. 198]. Лирический герой подражания наделен большей активностью чувства, чем разума, а потому монолог его так расширяется относительно шекспировского текста. Выражение переживания требует не драматической формы, а лирической, что становится следствием развития сентиментальной эстетики: она диктует переводческие трансформации в соответствии с традициями кладбищенской поэзии. Об этом влиянии свидетельствует само по себе обращение к теме смерти при виде вечности: подражание начинается не с известного «to be or not to be», а с созерцания завесы, то есть прямого переживания смерти лирическим героем. Из этого весь монолог можно интерпретировать как развернутое переживание момента смерти, воплощение метафоры «жизнь проносится перед глазами», что и задает тексту его сюжетность. Знаками вечности и смерти становятся тьма и завеса: они наводят ужас и вводят традиционный сентиментальный мотив неизбежности смерти и размышлений о некотором смысле жизни. Через этот мотив текст подражания сильнее сближается с другим сюжетом трагедии – монологом Гамлета на кладбище.

Фрагментарный перевод Карабанова создает целостный образ лирического героя, который лишь частично Гамлет и больше – отражение эстетических тенденций русской словесности конца

XVIII в. Текст в большей степени обращен к чувствам героя, чем к его размышлениям, а важным отличительным его качеством становится эмоциональность, проявившаяся в нелицемерной любви и слезах – это свидетельство проникновения сентиментализма, а не приближения лирического героя к оригинальному Гамлету. Он, хоть и представлен в переводах и критике как бездейственный, все же ироничен, скептичен и часто суров, не льет слезы и вопреки стереотипу активно действует. Однако подражание Карабанова выявляет происходящий в эстетике переход от разума к чувству. Концентрация множества событий, выходящих за рамки третьего акта в одном монологе, позволяет обозначить важные черты героя и проблематику трагедии: вывих времени, что выражено в противопоставлении развитого чувства героя и варварства окружающих. Герой положителен не столько из-за стремления к справедливости, сколько из-за способности открыть свои чувства.

Оба рассмотренных фрагментарных перевода ни в коем случае не могут считаться эквивалентными, их авторы снимают лишь один семантический слой в зависимости от своего представления о содержании монолога и злобы дня, своего вкуса и общих тенденций в развитии эстетики. Как явления не столь далекие друг от друга хронологически они трансформируют монолог в едином направлении – готического сентиментализма, которое позже будет продолжено переводом С.И. Висковатова.

Степень свободы обращения с оригиналом становится причиной различий двух монологов. Плещеев сохраняет исходный объем монолога и сопровождает его предисловием о задаче своей работы как переводческой. Карабанов же воплощает становящуюся на рубеже веков традицию развития оригинальной литературы «по мотивам» отдельных текстов зарубежной. «Гамлет» Шекспира при попадании в русскую литературу становится интересен не сам по себе, а как показатель и критерий ее развития.

Важно и то, что обращения к монологу формируют некоторые ожидания от текста трагедии в целом и задают векторы развития образа Гамлета во всех будущих переводах: его концентрацию на вопросе жизни и смерти, эмоциональность и слабость при

столкновении с судьбой. Отделенный от контекста монолог и фактическое отсутствие в его окружении проявлений деятельной натуры Гамлета создают стереотип бездеятельного героя, что неожиданно соответствует природе русской драмы, в которой важнейшим началом остается говорение. Именно такой говорящий, а не действующий Гамлет оказался самым интересным для русской литературы образом Шекспира.

Список источников

1. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений : в 10 т. М. : Университетская типография, у Н. Новикова, 1782. Т. 10: Разные прозаические сочинения и переводы. Наставление младенцам. Мораль, история и география. 248 с.
2. Плещеев М.И. Письмо Англомана к одному из членов Вольного Российского Собрания // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. М. : [Б. и], 1775. Ч. 2. С. 257–261.
3. Карабанов П.М. Вольное подражание монологу трагедии Гамлета, сочиненной г. Шекспером // Лекарство от скуки и забот. СПб. : Печ. у Шнора, 1786. Ч. 1. № 17. С. 195–199.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ» И В РОМАНЕ «ДОВОДЫ РАССУДКА» ДЖ. ОСТИН

Старкова А.Д.
Томский государственный университет, студент

THE PROBLEM OF PERSONAL HAPPINESS IN THE NOVEL BY I.S. TURGENEV *ONE THE EVE* AND IN THE NOVEL *PERSUASION* BY J. AUSTEN

Starkova A.D.
Tomsk State University, student

В статье рассматриваются принципы осмысления и способы изображения личного счастья в романе «Накануне» И.С. Тургенева и романе «Доводы рассудка» Дж. Остин. В ходе типологического анализа прослеживается сходство в построении женских образов и их окружения. Сравниваются любовные линии, обнаруживающие индивидуальные авторские принципы воплощения проблемы обретения личного счастья и его сохранения.